

Вадим не видел двоюродного брата четыре года.

— Он у нас теперь девушка! — весело шепнула Юлька — старшая сестра Шурика.

— Как? — не поверил Вадим.

— Ну вот так, решил, что он девушка, — Юлька глупо улыбалась, похоже, сама не веря в то, что говорит.

— Да ты гонишь! — Вадим заржал.

Но про себя подумал, что Шура с раннего детства вызывал опасения за свою ориентацию.

Вечно ревел, как девчонка, избегал опасных игр, все его вечно обижали. И вот на тебе! Шура — девушка. Уму непостижимо.

Любопытство заставило Вадима напроситься в гости. Уж очень хотелось взглянуть на братика, ставшего сестричкой.

Увиденное повергло его в шок, если не сказать больше. Шура отрастил волосы, сиськи первого размера, накрасил губы, глаза, сделал маникюр. Гормонотерапия смягчила черты лица, контуры плечей и талии, сделала из вчерашнего хлюпика-очкиарика соблазнительную тёлку.

«Блядь, ну как такое возможно! Как!» — возмущался Вадим, критично осматривая комнату Шуры. Сам Шура сидел в юбочке, кофточке и чулочках на диване, стыдливо отводя глаза.

«И голос у него, суко, слащавый что пиздец!» — Вадим не знал, как реагировать. То ли смеяться, то ли возмущаться. Но обижать барышню ему точно не хотелось. И тогда он включил любимую мазу, которая всегда срабатывала при общении со слабым полом: шутливый тон, заигрывание на дурочка. Или дурочку, как в данном случае.

— Ты мне как девушка даже больше нравишься, — закинул он удочку, когда первый шок спал, уступив место глубоким философским рассуждениям.

Шура смущённо рассмеялся, в который раз поправил длинные тёмные волосы, пышные, делающие его невероятно женственным.

— Я всегда была девушкой, хоть и родилась мальчиком, — с некоторой ноткой гордости в голосе, хлопая ресницами, произнесла тёлка.

— Во как! — Вадим выпучил глаза, чем вызвал живой девичий смех.

Немного помолчав, разглядывая пустынный двор в окно, Вадим продолжил допрос на интересующие его темы:

— А груди у тебя свои или вата?

— Свои, — опять, горделиво расправив плечи, произнесла красотка, выставляя небольших холмики на обозрение.

— Ну а если с парнем познакомишься, — не унимался Вадим. — Что будешь делать?

— Придётся рассказать, конечно, — Шура опечалился. — Потом мне сделают операцию, и можно жить как все.

— Охренеть! — Вадим упёрся попой в подоконник, сложил руки на груди, качая головой, разглядывал это чудо.

— Да, это очень... — Шура запнулся, подбирав слово. — тяжело. Но я готова пойти на это, — печальная улыбка образовалась на губах Шуры. Он разглаживал края юбки, поглаживал себя по бёдрам.

Вадим опять смотрел в окно и думал о своём. Коварные мыслишки роились в его безумной голове, мешая рассуждать здраво.

— Ты и без операции потрясно выглядишь, — снова закинул он удочку.

— Спасибо! — Шура расцвёл сказочной улыбкой. — Ты не представляешь, как мне приятно.

— А хочешь, сходим вместе в кино? — Вадим вдруг захотел вытащить фальшивую тёлку в компанию гетеро друзей, чтобы развести пацанов, как лохов.

— Да, — светлая улыбка озарила лицо Шуры.

Он был наивен в желании общаться с противоположным полом, в желании любить и быть любимым.

Вадик вытащил на свидание с Шурой двух своих самых прожжённых друганов: Гену и Макса. Те офигели от вида сексапильной дивчины, подкатившей к ним на шпильках, виляя стройным задом.

Сестричка Вадима выглядела потрясно. Парни проглотили слону, втихаря пялясь на тонкие ножки торчащие из-под короткой обтягивающей юбочки. Худенькая девочка в чёрной открытой маечке с блёстками постоянно отводила длинные волосы рукой, стеснительно пряталась за спиной Вадима и вообще держалась в сторонке. Только когда Гена предложил красотке руку при спуске по лестнице, она растаяла, заулыбалась. Гена продолжил кадрить сестрицу, и от Вадима не могла ускользнуть зависть, с которой Макс поглядывал в сторону завязывающегося знакомства. Шура стреляла глазками, облизывала губки, постоянно поправляла платье. Вадим чувствовал себя хозяином положения. Как профессиональный сводник взялся он за работу. Представлял Шуру в наилучшем свете: шепнул Гене, что она недавно рассталась с парнем, что расставание было болезненным, что сестрёнка скучает. Максу шепнул, чтобы тот не спешил с выводами. Что Шура ещё та штучка, переметнётся к нему, не заметишь. Сам Вадим проводил тонкую линию между собой и парнями: он выводил сестрицу на прогулку, он знакомил её с парнями, он следил, чтобы она не скучала в мужском обществе, чтобы с ней обращались галантно.

Они отправились в кинотеатр, затем погуляли по набережной, зашли в кафе. Макс окончательно потерял надежду, Гена, подогреваемый интересом со стороны Макса, решил не терять инициативу, наращивал обороты. Его шутки стали остроумнее, улыбки откровеннее. Тёлка велась, это было видно невооружённым взглядом. Она плыла, плавилась под мужскими похотливыми взглядами. Её жесты превратились в одно сплошное недоумение: она сжимала коленки, постоянно лазила в сумочку подкрашивать губки, смотреться в зеркальце. Вся эта канитель крайне забавляла Вадима. Когда Гена положил руку на талию Шуры, рука эта опустилась на бедро, нашла ягодицу, всё внутри него перевернулось, вспыхнуло страстным огнём возбуждения. Он просто взрывался от дикого восторга, наблюдая, как лучший друг западает на братика-сестричку, как возбуждённо щупает её задницу, как та прильнула тельцем к Гене-машине — огромному самцу-осеменителю. Они шли с Максом чуть позади, присматривая за молодыми. Вадим решил сделать очередной ход конём: пригласить дружную компанию к себе в гости. Шурочка поначалу испуганно захлопала ресницами, но увидев поддержку в глазах брата, его желание помочь в развязке любовной прилюдии, она согласилась. Сгорая то ли от стыда, то ли от страха, она поднималась с тремя парнями в лифте на седьмой этаж в личные апартаменты Вадима, где

две комнаты делили квартиру на территорию для общения и зону отдыха. Или разврата, выражаясь словами Вадима.

Вадим достал пиво из холодильника, даме предложил мартини. Для такого случая он не пожалел дорогой бутылки. Всё-таки не каждый день у него в гостях братик-сестричка соблазняет лучших друзей. Шура сбегала в туалет, скромненько села на диван, поджав ножки. Пацаны продолжали шутить, делая вид, что всё оукей, банкет продолжается и скучать не придётся. Постепенно Шура отаяла, присоединилась к беседе, шутки Гены вновь раззадорили её восторг. Она опьянила, взгляд поплыл, где-то в этом безобразии Вадим увидел возможность для нового манёвра.

— Можете уединиться в спальню, если хотите, — шепнул он Гене, оказавшись с ним на кухне. Вадим просто взрывался, предвкушая безумие разоблачения. Он представлял Генку, как тот плюётся, как Макс катается по полу, держась за живот. Вся эта ситуация крайне забавляла его. Но самое интересное он припас для Макса. Когда Гена потащил пьяную Шуру в спальню, Вадим включил телевизор и вывел действие на большой экран. Он даже включил запись, чтобы ничего не упустить.

— Такого ты ещё не видел! — тихонечко заржал Вадим, чтобы не спугнуть молодых. Макс схватил бутылку пива, отхлебнул, сцена из спальни на большом экране поглотила всё внимание пацанов.

Гена усадил Шуру на кровать. завидя, ещё больше веселя Вадима своим мрачным видом. — Да-да-да. Вот так! — шептал Вадим, потягивая пивко. — Полижи его, девочка.

Она лизала: забила языком, рты слились, страстный поцелуй взасос привёл в действие необратимую цепную реакцию. Шура шептала Гене на ухо, обнимая его, стягивая с него майку, опрокидывая парня на кровать. Она села на него верхом, волосами накрыла грудь, поцелуями отправилась гулять по оголённому торсу, останавливаясь на сосочках, спускаясь к пупку.

Её попка оголилась — вылезла из-под юбки. На ней были обычные белые стринги, которые вызвали очередной томный вздох у Макса.

— Ничего-ничего, — Вадим бросил коварный взгляд на скучающего друга. — Может, она и тебе потом даст.

Макс ничего не ответил. Не отрываясь, смотрел он на экран, где Шура стянула джинсы с трусами, оголив мощный налитый кровью член. С такой нежностью она взяла его в руки, неуверенно ласкала пальчиками, стягивая кожу, рассматривая, как головка становится больше, как член окончательно застывает в огромном неповиновении. Только она способна удовлетворить его жажду, сдержать его страсть. Она опускается медленно, приближаясь к первому прикосновению.

Это действие окончательно возбудило Вадима. Поначалу он отрицал свою причастность к играм сестрёнки, но теперь, увидев, какое безобразие она учинила прямо у него в спальне да ещё с лучшим другом, он уже не мог остановиться. Подпрыгнул в кресле, увеличил место съёмки, сделав наезд крупным планом на место событий.

Шура сосала у Гены, делала это очень красочно и нежно. Такой любви пацаны давно не видали.

— Это тебе не порно! — шепнул Вадим, и Макс согласился, кивнув. Ему хотелось быть на месте Гены. Мягкая стройная задница Шуры возбуждала его не меньше, чем губки, которые гоняли залупу друга, на вечер ставшего конкурентом за место на кровати.

Она была прекрасна в своём исполнение минета.

«Почему они не переходят к основному блюду?» — мучился вопросом Вадим, не догадываясь, что Шура отчиталась о критических днях и теперь ротиком отрабатывала штрафную. Она стягивала оргазм ритмичными колебаниями. Войдя в ритм, двигалась к победному концу.

— Блин, неужели она проглотит? — неожиданно вырвалось у Макса.

— А ты думал! — восторженно подтвердил Вадим. — Моя сестрёнка — высший пилотаж. У неё не губы, а спермасос. Ща увидишь, как она глотает.

И действительно: Гена выгнулся в пояснице, схватив Шуру за уши, прижав её к паху. Она только замотала головой, и парни поняли по резким вздрогиваниям, что Гена кончает, столько энергии было в этом действии.

А потом он обмяк и расплывился на кровати, как масло, как морская звезда, лежал, раскинув ноги и руки в разные стороны. А она продолжала вылизывать ему пах, поцелуями прохаживаться по лобку, члену и мошонке. Такой страстной любовницы парни не видели, не знали, не подозревали в скромной девчонке, застенчивой перестрельщице глазками, Шурочке-минетчице...

Они вышли из спальни через десять минут, в обнимку, придерживая друг друга влюблёнными взглядами. Шура бросила болезненный взгляд на Вадима. Тот был единственным человеком, знающим её секрет. Он мог разрушить всю магию за одну секунду. От его судьбоносного решения зависело её счастье. Она села в тот же уголок дивана, закусывая губку, пригубив мартини, вновь погрузившись в переживание первого в жизни минета.

Гена засобирался, ему надо было заехать к родителям. Попрощавшись, он ушёл. Они долго обнимались в прихожей: он и его новая девушка — великолепная Шура, которая сообщением о месячных спасла свою честь.

Когда ребята остались втроём, Вадим перешёл в активное наступление. Всё-таки «хуй в железо, пока горячо», говорил он себе.

Отозвав Шуру на кухню, он приступил к качественной обработке:

— Ну как у вас с Геной, всё хорошо там срослось? — невинно поинтересовался он.

— Да, он очень классный.

— Замечательно. Надо ещё Макса поразвлечь.

У Шуры опустились руки. Она смотрела на Вадима, не отрываясь, пытаясь прочесть в его взгляде истинный смысл этого изречения.

— В каком смысле? — она хлопала ресницами, стараясь не обидеться.

— Ты ведь не хочешь, чтобы Гена узнал о твоём секрете? — Вадим вытер руки полотенцем и жёстким взглядом буравил красотку.

— Я потом ему скажу, — она виновато опустила глазки.

— Потом суп с котом. А сейчас мой друг скучает. Сделай ему минет, иначе Гена узнает, что он педик не от тебя, а от друзей.

Шура подняла измученный взгляд на Вадима.

— Не делай этого. Прошу тебя, — что-то детское, девичье проснулось в её голосе. Вадим ощутил, что поступает нехорошо, но продолжил давить.

— Иди в зал, Шурик, и обслужи пацана. Макс не против, чтобы ты у него отсосал. Сделаешь всё, как с Геной и можешь гулять. Макс будет молчать, я тоже никому не скажу. Можешь встречаться потом со своим любовничком, трахаться, как хочешь. А пока надо обслужить

парня. Понял?

Шура поняла без слов, что возражать бесполезно. Вадим с детства запомнился ей как подонок. Прошло четыре года, как они не виделись. Она и забыла, какой он гад и вот теперь попала в такой переплёт. Она сделает это для Гены, думала она. Вадим не станет позорить его, если она всё сделает, как он хочет.

Она вернулась в зал и бухнулась на диван по центру. Макс сидел рядом, безразлично переключая каналы.

— Что-то случилось? — поинтересовался он, заметив её расстроенный вид.

— Да не, ничего, — от обиды она готова была заплакать. Как же уломать Макса на минет? Она не знала, как это работает. Как ей соблазнить парня, оставаясь приличной девушкой. Тем более, что в глазах Макса она уже была как бы девушкой Гены, а значит табу. Почему ей так вдруг стало тяжело думать как девушка? Как она вообще вляпалась в эту историю?

Вернулся с кухни Вадим. Довольный усёлся в кресло, как кот. Поглядывая на Шуру, продолжил непринуждённый разговор, намекая ей неоднозначными подмигиваниями, чтобы она брала Макса за шкирку и тащила в спальню.

Наконец, не выдержав замешательства неопытной подвыпившей тёлки, он вытащил Макса на кухню и вполголоса поведал интересную тему:

— Тут такая тема есть, — начал он издалека. — Шура говорит, что Гена не захотел трахаться. А она жесть как хочет. И вот теперь она сидит страдает. Может, ты её чпокнешь? Она мне на кухне все уши прожужжала, что влюбилась сразу в тебя, но Генка на неё полез, и она не могла дать отпор. Ну ты ж понимаешь? А теперь он убежал, и даже телефон на прощанье не взял. Прикинь?

Макс на мгновение выпятил глаза. Такой поворот событий кардинально менял расположение фигур на шахматной доске.

— А с чего ты взял, что она в меня влюбилась? — усмехнувшись, он почесал нос, как всегда делал, когда чувствовал, что его разводят как лоха.

— Спросила, есть у тебя девушка или нет. И ещё хотела узнать, как ты к ней относишься.

— И что ты сказал?

— Сказал, что ты стеснительный парень. Не такой, как Генка. Вот и получилось, что Генка своё взял и убежал, а вы реально друг другу больше подходите. Она такая же нерешительная, как ты. Может, у вас любовь настоящая была бы, если бы не Генка.

Вадим крутил и вертел на пальце всех своих друганов, как хотел. Это у него было в крови. Сводить и разводить парней с девчонками, уж такая у него была природа подлая. Теперь он рвал и метал, чтобы затащить Макса на траходром и заставить Шуру делать минет.

Вернувшись в зал, парни продолжили общаться с Шурой, постепенно раскрепощаясь новой бутылкой вина. Шура окончательно освободилась от чувства вины, позора за Гену. Она стала веселее поглядывать на Макса.

«В конце концов, — думала она. — Он тоже классно выглядит!» Эта мысль вскружила ей голову. Выскочив на секунду в туалет, она закрутилась в ванной. Неожиданно дверь приоткрылась и возбуждённый Макс проник внутрь. Обхватив её за талию, он сразу принялся целовать, покрывать её шею мокрыми причмоками, двигаясь к губам. Шура смеялась, хихикала, довольно скользя в медвежьих объятиях. Когда губы их нашли друг друга, судьба девушки была решена. Макс с цепи сорвался, полез руками под платье, она едва успела свести коленки, спрятав хоботок в пау.

- У меня месячные, — зашептала она.
- Опаньки, — Макс оторопел, но не оторвал рук.
- Если хочешь, я могу сделать тебе минет, — с сомнением предложила она.
- Давай, — согласился Макс.

Она вытянула его за руку из ванной и повела в спальню. Даже не оглядываясь на Вадима, она спиной ощущала его взгляд, понимала, как тот радуется новообразовавшейся паре.

Вадим с вожделением делал вторую запись. История повторялась с небольшим отличием: теперь на кровати в позе морской звезды лежал его лучший друг номер два — Макс Девятовский. Сто двадцать лошадиных сил, «машина для убийства», добрый мишкаборец, у которого даже член был борцовский: толстый и гладкий, как ствол сосны.

Шура делала второй минет за вечер, её обтянутая стрингой попка играла в камеру ритмичным покачиванием, её волосы опускались на пах, её губы смыкались на залупе, её пьяные глаза заигрывали в гляделки с масляным блеском бледно-голубых зрачков борца. Он кончал: густо и бурно, как любой спортсмен, воздерживающийся от дрочки, он держал в себе огромный запас, который нашёл во рту Шуры мягкое нежное гнёздышко. Она глотала солёную сперму, переживая второй минет, не такой бурный, как первый, но уж точно самый большой, какой она могла представить. Полный рот спермы, проглот, ешё, он кончает новой струёй, она глотает, опять сперма полнит рот, она глотает, как будто пьёт солёный яичный белок из бутылки, без конца сглатывая.

Когда борец отстрелялся, она села на корточки, шарик воздуха «бульк» покинул желудок, Шурочка беззвучно отрыгнула воздух в кулак.

Она была пьяна, теперь от спермы. Её первый выход в свет закончился не сказать, что ужасно. Она осталась девушкой, пускай не до конца изведенной, но любимой. Два парня, отличных, весёлых, захотели её, один признался в любви, другой набросился в ванной. Но хуже всего было то, что она сама путалась в мыслях и чувствах. Она боялась Вадима, и в то же время то, что он сделал, то, как он выкрутил ситуацию, полностью разоружило её, отбросило к реальности, которая пугала новизной ощущений, будоражила интригой разоблачения. Она боялась и хотела, хотела и сгорала от страха. Она стыдилась себя, своего прошлого, жаждала нового настоящего.

Она становилась женщиной.